

Содержание

<i>Вступление Бронислава Виноградского</i>	7	3:17	Жертвенный баран	84
<i>Предисловие Майкла Пуэтта</i>	10	3:19	Правители и министры	85
<i>Введение Брайана Бруа</i>	12	4:1	Доброе соседство	86
ЖИЗНЬ КОНФУЦИЯ	19	4:2	Пребывание в добротe	87
РАССУЖДЕНИЯ В ИЗРЕЧЕНИЯХ	63	4:3	Любить людей	88
1:1 Удовольствие и достоинство	64	4:4	Осознанная доброта	89
1:2 Корни доброты	65	4:8	Знать о пути	90
1:4 Самокритика	66	4:9	Путь самоуважения	91
1:5 Управление большой страной	67	4:10	Поступать правильно	92
1:6 Прекрасный молодой человек	68	4:12	Выгода	93
1:8 Благородный человек	69	4:14	Что требуется	94
1:9 Добродетель среди людей	70	4:16	Понимать, что правильно	95
1:16 Признание других	71	4:17	Видеть себя в других	96
2:1 Подобно Полярной звезде	72	4:19	Путешествия	97
2:3 Вести себя правильно	73	4:22	Неосторожные высказывания	98
2:4 Этапы жизни	74	4:25	Полагаться на силу духа	99
2:7 Чувство сыновней почитательности	75	5:9	Лучше, чем Янь Хуэй	100
2:11 Стать учителем	76	5:10	Цзай Юй и грязные стены	101
2:13 Слова и действия	77	5:11	Недостатки Шэнь Чэна	102
2:14 Беспристрастность	78	5:15	Значение слова «образованный»	103
2:15 Учеба и размышления	79	5:16	Благородный муж Цзычань	104
2:16 Предметы почитания	80	5:23	Не обижайся	105
2:17 Истинное понимание	81	5:25	Притворный облик	106
3:7 Соперничество благородных людей	82	5:26	Желания	107
2:15 Правильные обряды	83	5:27	Смирившись	108
		5:28	Город десяти семей	109
		6:3	Как учился Янь Хуэй	110

6:11	Янь Хуэй	111	12:7	Управление нравственностью	148
6:18	Крестьяне и ученые	112	12:23	Давать советы друзьям	149
6:20	Лучшее удовольствие	113	12:24	Как заводить друзей	150
6:23	Мудрые и добрые	114	13:1	Руководить, находясь позади	151
6:27	Путь благородного человека	115	13:6	Нравственность руководителя.....	152
6:30	Секрет доброты	116	13:3	Управлять собой, чтобы управлять другими	153
7:1	Передача смыслов	117	13:7	Терпение и предвидение.....	154
7:2	Легко в учении	118	13:19	Фань Чи спрашивает о доброте	155
7:3	Беспокойства благородного человека	119	13:33	Творить гармонию	156
7:5	Видеть во сне князя Чжоу-гуна	120	13:26	Быть довольным	157
7:6	Основы хорошего поведения	121	14:1	Работать на коррумпированное правительство.....	158
7:7	Всеобщее образование	122	14:10	В бедности не жаловаться	159
7:8	Воспитание хороших учеников	123	14:12	Совершенная личность.....	160
7:12	Богатство или удовольствие	124	14:20	Нескромные слова.....	161
7:16	Простые удовольствия.....	125	14:24	Учиться для других.....	162
7:20	Знание и обучение	126	14:27	Расточительность в делах	163
7:22	Учиться у других.....	127	14:29	Бросание камней	164
7:27	Справедливая игра.....	128	14:33	Прекрасный скакун	165
7:36	Расточительность и бережливость	129	14:34	Как вести себя с врагами.....	166
7:37	Свобода благородного человека.....	130	14:35	Понять Конфуция	167
8:4	Умиравший никогда не лжет	131	14:38	Упрямство.....	168
8:7	Груз молодости	132	14:43	Впустую потраченная жизнь	169
8:17	Хорошие ученики боятся забыть	133	15:7	Кто и почему служит	170
9:1	Личные качества, судьба, доброта	134	15:8	Неправильные слова	171
9:17	Река времени.....	135	15:10	Воспитание доброты.....	172
9:23	Возраст и уважение.....	136	15:12	Предвидеть будущее.....	173
9:26	Решительность.....	137	15:17	Трудные люди.....	174
9:29	Никогда	138	15:23	Судить о словах и людях.....	175
10:17	Пожар в конюшне	139	15:24	Способность прощать	176
11:12	Духи и смерть.....	140	15:27	Терпение и скромность.....	177
11:16	Превосходство.....	141	15:28	Будь критичен	178
11:18–19	Наивный Гао Чай	142	15:29	Путь	179
12:1	Доброта	143	15:30	Настоящий проступок	180
12:2	Золотое правило	144	15:31	Размышлять или учиться	181
12:5	Братья	145	15:36	Никому не уступать	182
12:7	Доверие людей	146			
12:6	Поддержим хороших	147			

15:37	Правильный путь	183	17:26	Незрелость в сорок лет.....	199
16:4	Каких заводить друзей.....	184	18:1	Говорить правду правителю.....	200
16:7	Три порока	185	18:5	Сумасшедший Цзеюй	201
16:9	Понимание естества	186	18:6	Два отшельника.....	202
16:10	Девять правил.....	187	19:1	Быть в осознанности.....	205
16:12	Восхваление дел	188	19:5	Любовь к учению.....	206
17:2	Природа или воспитание	189	19:6	Как быть человеческим	207
17:8	Шесть недостатков	190	19:10	Заслужить доверие.....	208
17:12	Бесстыдный грабитель	191	19:11	Пересечь черту.....	209
17:13	Разбойник в родном городе	192	19:21	Быть примером.....	210
17:14	Сплетни	193			
17:15	Продажные чиновники	194	ПОСЛЕ КОНФУЦИЯ		211
17:18	Нелюбовь к переменам.....	195	УЧЕНИКИ КОНФУЦИЯ		217
17:20	Непрямая коммуникация	196	СПИСОК ИМЕН И НАЗВАНИЙ.....		231
17:22	Играть в игры	197			
17:25	Служанки и слуги	198			



Вступление

БРОНИСЛАВА ВИНОГРАДСКОГО

Я не буду говорить о самом переводе этой книги, а поговорю немного о форме и содержании, чтобы донести до возможного читателя суть предприятия, побудившего, с моей точки зрения, автора придать древней мудрости форму комиксов.

Древность современного человека всегда немного пугает, и уж тем более древняя мудрость. Изначально этот текст написан на древнем языке, который современный житель Китая не слишком хорошо понимает, но при этом большая часть содержания книги бытует в языковой среде в виде пословиц, поговорок, притч и анекдотов.

Так о чем же текст Конфуция?

В первую очередь о нравственности в быту. В книге приводятся бытовые и контекстные ситуации в межличностной коммуникации, где Учитель показывает и объясняет, как нравственные категории влияют на людей, как они проявляются в их повседневном поведении и как их нужно принимать и применять в жизни.

Основная категория, о которой чаще всего говорится в этой книге, — доброта. Часто этот термин переводят как «гуманность» и «человечность», но суть от этого не меняется. Добрый человек, способный переживать другого как самого себя, обладает качеством доброты, которое важнее и сильнее всех остальных качеств, то есть ума, культурности, образованности, силы духа и т. д. Именно доброта является ключом к тому, чтобы открыть двери в мир благородного человека.

Благородный человек — такое же важное понятие, как и доброта, и именно благородный человек является носителем этого качества, то есть это качество делает сознание и дух обычного индивида таким, что превра-

щает его в благородного человека. Это тоже условный перевод, который подразумевает высшую степень осознанности и сознательности, на которую способен в общении человеческий дух.

Следующее понятие, играющее очень важную роль в коммуникации, — это способность вести себя по обряду, проявлять себя всегда вежливо и уместно в соответствии со складывающейся ситуацией, которая не всегда очевидна и ясна. Именно эта способность и делает человека порядочным человеком. В противном случае учтивость, внимательность, вежливость, почтительность, скромность всегда будут лицемерными масками, которые прячут под собой корыстные цели и устремления маленького человека.

Я хочу напомнить фразу Конфуция, которая встречается в толковании «Книги Перемен» и позволяет понять основное отличие между маленьким человеком и благородным мужем. Привожу ее по памяти, и в моем прочтении она звучит так: «Маленький человек маленькое зло за зло не считает и потому не воздерживается от маленького зла, и маленькое добро он за добро не считает и потому никогда не совершает маленьких добрых дел».

Это великое высказывание позволяет точно представить и выявить маленького человека в первую очередь в самом себе, ибо этот маленький человек всегда действует только из соображений выгоды, тогда как благородный человек никогда не совершает действий, которые ему кажутся не соответствующими обрядам, то есть порядочными.

В любом случае в книге, представленной на суд читателя и зрителя, перед глазами проходит череда

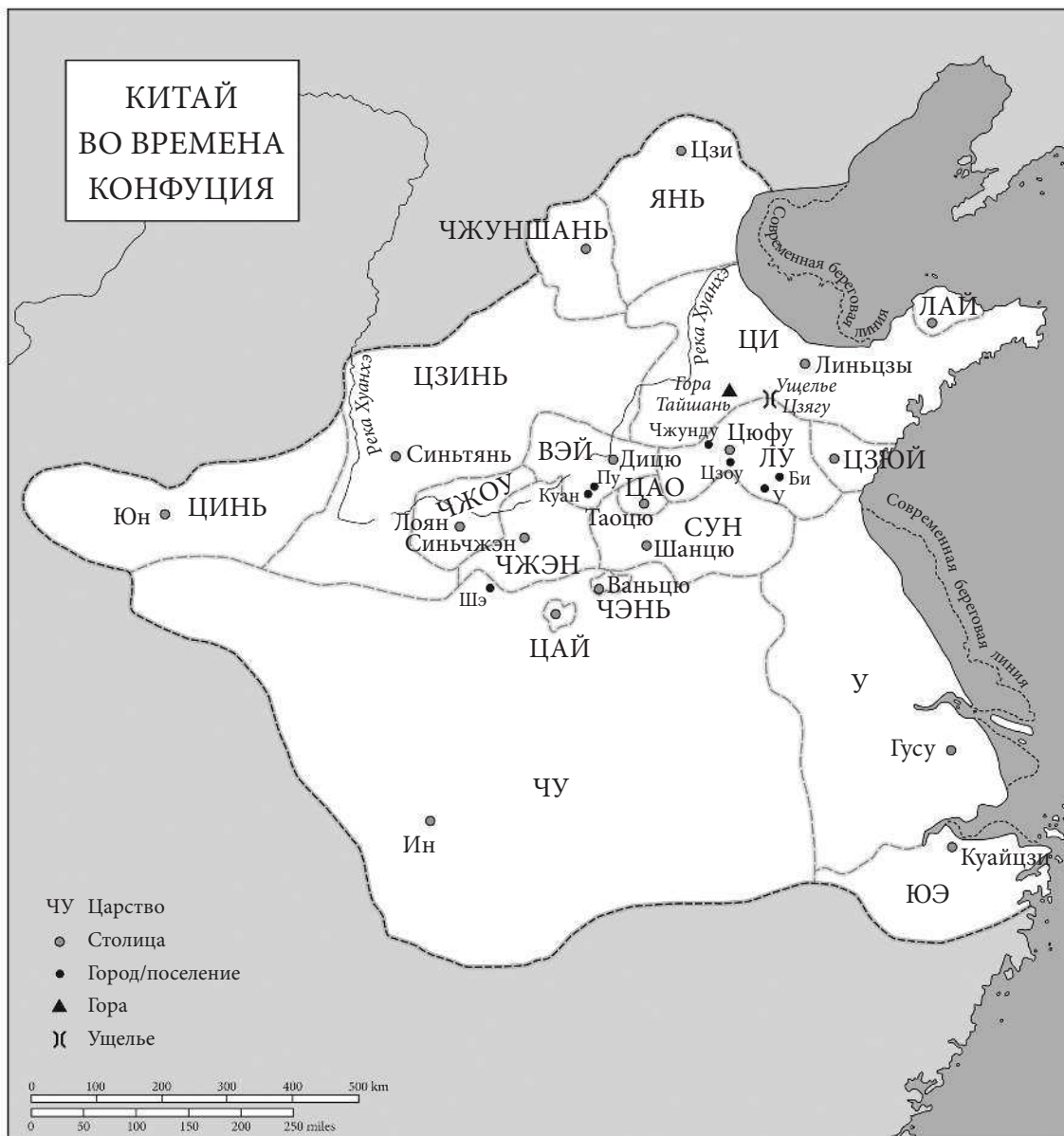
житейских и бытовых ситуаций, когда на картинках мы видим ироничные и тонко передающие глубокие смыслы бытия изображения людей, простых и незамысловатых, коими мы все во все времена и являемся. Люди, трогательные и убого нелепые существа, больше забавные, чем величественные, но именно в этих оболочках нам дана возможность учиться и обретать, культивировать, воспитывать в себе качества доброты, осознанности, благородства, порядочности и силы духа, которые единственно и позволяют проявиться настоящему величию человечности через наши поступки в конкретных бытовых ситуациях.

Я думаю, что это издание будет интересно и полезно для самого широкого круга российских читателей из самых разных сфер и областей социального пространства, ибо правильное понимание и объяснение нравственных категорий, то есть универсальных общечеловеческих ценностей, всегда востребовано во всех сообществах и обстоятельствах человеческого общения.

Знакомство с «Иллюстрированной библиотекой восточной мудрости» побудит многих к более пристальному и глубокому изучению философского наследия великой китайской цивилизации, которую нужно знать и понимать, ибо это наш сосед, исторически связанный с нами тесными узами дружбы и сотрудничества, а для Китая данный текст представляет собой основу нравственного закона, регулирующего все процессы внутри китайского социума.

Я постарался найти равновесие между подачей текста в древнем варианте и современным изложением автора, чтобы дать российскому читателю возможность в простой и увлекательной форме ознакомиться с «Рассуждениями в изречениях». В этом мне помог живой и современный перевод на английский язык Брайана Бруа.

Кроме того, оригинальный древний текст Конфуция искусно представлен в боковых врезках на страницах комикса, что безусловно будет полезно и интересно для читателей, изучающих китайский язык, и при этом не отвлечет внимание от самодостаточных иллюстраций.



Предисловие

МАЙКЛА ПУЕТТА

Поначалу может показаться странной идея проиллюстрировать и выпустить в виде комикса по-настоящему великую философскую работу. Разве это не сведет заключенные в ней блестящие философские мысли к карикатурам? Смогли бы мы подумать о том, чтобы проиллюстрировать как комикс, например, вторую «Критику» Канта? Конечно, мы бы и не осмелились так подумать. Но ответа на предыдущий вопрос тоже нет. «Рассуждения в изречениях» — это по-настоящему великая философская работа. Но это не философский труд в том смысле, в каком мы часто употребляем данный термин. Философия здесь передается через диалоги между Конфуцием и его учениками. Она показывает Конфуция как человека, который стремится к доброте, пытается обучать своих учеников и надеется сотворить лучший мир. Это философия, основанная на искусстве жизни. «Рассуждения в изречениях» работают как философский текст в той же степени, в какой мы можем описать искусство жизни в ежедневной практике. Например, ситуации, в которых Конфуций говорит определенным образом конкретным ученикам, то, как Конфуций обращается со своим телом, когда он дает свои советы, выражения Конфуция, которые он использует, когда изрекает свои заявления, — это все способы, с помощью которых Конфуций может ощущать тех, кто вокруг него, и ощущать то, что он может говорить или делать, чтобы вдохновлять их, для того чтобы менять свою и чужие жизни к лучшему.

И разве есть более подходящий путь для того, чтобы помочь нам представить себе такую философию, чем позволить нам увидеть, как она работает на практике? Цай Чжичжун уловил это в совершенстве, и его картинки пре-

вращают диалоги и дискуссии «Изречений» в жизнь. Когда мы читаем его текст, мы уходим от опасности, в которую попадают столь многочисленные современные читатели, — это опасность просто искать в тексте выражения, которые звучат философски глубоко, выдергивать их из контекста, в котором они появляются, и игнорировать то, как ситуация описывается. Чтобы прочитать этот текст и полностью его понять, нужно точно сфокусироваться на целой картинке этого текста, на ситуациях, настроениях, выражениях и стиле изречений. Конфуций, описанный и изображенный в своем тексте, хочет, чтобы мы менялись к лучшему. Но изменения начинаются с кажущихся нам простыми вещей, которые встречаются в нашей обыденной жизни. Этот ключевой урок теряется, когда мы неспособны сосредоточить внимание на факте, что текст полностью укоренен в ежедневности и обыденности, в том, как Конфуций будет менять ситуацию к лучшему через, скажем, выражения или тон своего голоса. Иллюстрации Цай Чжичжуна делают это удивительно живым и доступным.

Его иллюстрации также в веселой манере копируют способ чтения «Изречений», который был обычным в более ранние времена. Никто до XX столетия в Китае не читал просто отрывки из «Изречений», один за другим, без объяснений того, как они работают в контексте. Цитаты всегда читали через паутину комментариев, указывающих на ключевые детали, касающиеся ситуации, и на ключевые части базовой информации, таким образом давая возможность читателю понять причины, почему Конфуций говорит так, как он говорит, с определенным учеником, в определенной ситуации, и ухватить эмоции и настроения, которые

вызываются способом изречения Конфуция. Цай Чжичжун в своих иллюстрациях основывается на подобных комментариях и делает ту же самую работу, что и комментаторы, но очень забавным, причудливым образом.

Благодаря этой причудливости Цай Чжичжун ухватывает другие аспекты текста, которые часто теряются современными читателями: «Изречения» — это текст, полный юмора, и Конфуций часто описывается как веселая личность. И среди черт, которым учатся его ученики на пути искусства жизни, есть умение ощущать, переживать радость, подобную той, которую излучает Конфуций. В отличие от многих современных изображений Конфуция, где его показывают скучным изрекателем пошлых банальностей, Цай Чжичжун ухватывает его игривый характер, который показан в тексте, юморе его изречений,

а также самоироничное раздражение, которое он выражает по отношению к ленивым ученикам перед тем, как с очаровательной улыбкой процитировать несколько строчек поэзии. И ни в коем случае нет сползания блестящих и глубоких изречений к карикатурам. Наоборот, Цай Чжичжун своим творчеством помогает вдохнуть в них жизнь.

Если говорить вкратце, то Цай Чжичжун создал иллюстрированную версию «Изречений», которая одновременно представляет собой отражение работы по созданию контекста, комментирующего аппарата, а также передает юмор и забавный характер оригинала. Все вместе это создает философию, как нужно жить; философский текст, у которого нужно учиться и с которым можно смеяться; и версию, которая так прекрасно ухватывает всю эту скрытую чувственность текста.

ВВЕДЕНИЕ

БРАЙАНА БРУЯ

ПЕРВОЕ. БИТВА СТА ШКОЛ

Китай впервые стал империей в 221 году до н. э., когда Цинь Шихуанди, правитель западного царства Цинь, объединил под собой весь Китай и стал первым императором. С тех пор и вплоть до 1911 года просуществовало шесть основных династий, следующих друг за другом: Хань, Тан, Сун, Юань, Мин, Цин. А что же было до Цинь? На протяжении 789 лет, с 1045 по 256 год до н. э., в Китае не было единой императорской династии. Однако был род, чей наследник считался сыном Неба — династия Чжоу, которой подчинялись вассальные царства. Нас с вами интересует вторая половина периода династии Чжоу, когда сложившийся традиционный уклад был разрушен.

Традиционный уклад был уникальным среди мировых цивилизаций. Род династии Чжоу начинается с победителей над предыдущей династией Шан, которая распространила свое влияние по всей стране, контролируя более 150 ключевых городов и поселений, которые обладали частичной автономностью.

Мы рассматриваем каждую из этих вновь образованных областей как феодальное государство, которое было лояльным по отношению к правителю Чжоу. Каждый отделившийся от феодального влияния правитель имел свой локальный контроль, но служил в свое удовольствие и верховному правителю, регулярно посещал царя, чтобы обновить вассальные связи, посылал дань этому царю и обращался с просьбами к нему, когда это было необходимо. Каждый феодал отдавал в руки правителя своего старшего сына, и вначале эти княжества

были близкими или с точки зрения родственных отношений, или с точки зрения верности в военном деле. И отношения между правителем и вассалами рассматривались так же, как между отцом и сыном.

С течением времени тем не менее начались раздоры, нарушилась верность и возникли конфликты. Прошло 250 лет, и все эти связи стали настолько напряженными, что были готовы уже вот-вот порваться.

Есть классическая история (возможно, апокрифическая), которая часто использовалась для иллюстрирования ключевой поворотной точки в истории этой династии. В 773 году до н. э. чжоуский правитель развелся со своей главной женой и сразу же заменил ее своей наложницей, которую было очень трудно порадовать. И чтобы развлечь ее, царь организовал огромный праздник в пригородах своей столицы, и с наступлением ночи он зажег сигнальные огни на городских стенах. И эти огни тревоги загорелись один за другим очень красиво, так, что пламя достигало горизонта, и через несколько часов войска из соседних княжеств, переводя дух, прибыли в столицу на защиту своего правителя, который, как они полагали, был в серьезной опасности из-за вторжения какого-то враждебного войска. Этот спектакль порадовал царицу, но, конечно же, полководцы и солдаты, которые торопились, чтобы оказать помощь, не очень-то сильно развлеклись этим происшествием. И этот случай повторился не один раз.

Через некоторое время государство Шэнь, которое долго таило обиду против этого царя, объединилось с племенем цюань-жунов, затем напав

на столицу династии Чжоу. Когда в Чжоу зажгли тревожные огни на стенах столицы, соседние княжества не обратили на них внимания, и поэтому столица была полностью разрушена, а царя убили. Тем не менее роду Чжоу позволили продолжиться, но они были вынуждены перенести столицу на восток, из-за чего область прямого контроля этой династии была сильно сокращена, как и верность и зависимость главных ее вассалов.

Начиная с этого времени различные царства начали быстро осознать, что они являются государствами сами по себе, для самих себя, и в последующие пять с половиной столетий эти царства постепенно поглощали друг друга до тех пор, пока не осталось семь главных царств в конце периода Весен и Осеней (770–481 гг. до н. э.). По мере того как увеличивались в размере армии государств в период Борющихся царств (481–221 гг. до н. э.), повсюду возникало все больше и больше военных раздоров. Борьба за конечное превосходство продолжалась до тех пор, пока династия Цинь не стала единственным государством, победившим все остальные.

В этой борьбе за верховное превосходство правитель больше не мог полагаться только на круг своего ближайшего дворянства, чтобы назначать из них полководцев и министров. Каждый правитель нуждался в способных людях вокруг себя. И, таким образом, началось интеллектуальное брожение. Не только правители стали обращать свои взоры за пределы дворянского круга в поисках людей, обладающих ясным умом и талантами, а и сами эти люди начали продвигать свои собственные точки зрения, стараясь дать совет правителям и продвигать собственные теории, включавшие в себя ответы на все философские вопросы. Со временем подобные учения вычленились в разнообразные школы мысли, такие как конфуцианство, моизм, легизм, даосизм и т. д. В Китае этот период называют «Спором голосов ста школ мысли».

Первый важный конфуцианский текст был «Рассуждение в изречениях» Конфуция, учебник для создания процветающего общества с помощью культурного образования и сильного морального руководства. Мэн-цзы, ученик внука Конфуция, Цзысы, был вторым главным конфуцианским мыслителем. В его книге «Мэн-цзы», ока-

завшей серьезное влияние на конфуцианство, используются запоминающиеся аналогии и мысленные эксперименты (как, например, ребенок на краю стены), для того чтобы проиллюстрировать и объяснить некоторые тонкие моменты относительно доброты человеческой природы и эффективного управления.

Два текста, которые были наиболее важными для возрождения конфуцианства в эпоху династии Сун, были также продуктами этого времени. Это так называемое «Великое учение» и «Равновесие и постоянство», которые традиционно приписываются авторству учеников Конфуция Цзэн-цзы и Цзысы соответственно. «Великое учение» предлагает точные формулы для саморазвития управленцев мирового уровня, тогда как «Равновесие и постоянство» отвечает на вопросы относительно того, как достичь равновесия между внутренним и внешним.

Поскольку Конфуций концентрировался на воспитании нравственных лидеров, представители другой школы, известные как даосы, предпочитали сосредотачиваться на том, как становиться ближе к естественному пути вещей. Главные даосские тексты этого периода — это «Чжуан-цзы» и «Дао дэ цзин» Лао-цзы.

«Чжуан-цзы» — один из величайших трудов мировой литературы, одновременно глубокое философское исследование по метафизике, языку, эпистемологии и этике. Также он доставляет море удовольствия читающим, так как там очень яркие персонажи и интересные парадоксальные ситуации.

«Дао дэ цзин» Лао-цзы перекликается со многими темами из «Чжуан-цзы», делая упор на таких идеях, как образ мудреца-лидера, принцип недеяния и опустошение ума. Его поэтический язык и очень лаконичный стиль противопоставляется «Чжуан-цзы», но он также допускает богатство интерпретаций, которые сделали его любимым текстом для созерцательных исследователей любых традиций.

Третий даосский текст этого времени, «Ле-цзы», возник несколькими столетиями позже. «Ле-цзы» берет стиль и тему «Чжуан-цзы» и продолжает его причудливую и глубокую традицию.

Другие мыслители, которые обращали внимание на безжалостную эффективность в управлении, ста-

ли известны как легисты. Один из главных легистских мыслителей был Хань Фэй, его книга «Хань Фэй-цзы» порицает идеи других школ, мысли, которые на практике реализовались как бесполезные, коррупционные и неэффективные. В противовес этому он говорит о высшем уровне руководства, используя даосскую терминологию и похожие на сказки истории, чтобы объяснить свои основные мысли, советуя правителям, каким образом нужно мотивировать людей, как организовывать управление и военную службу и каким образом защитить свои собственные позиции во власти.

Были и другие мыслители, которые концентрировали свои теории на стратегии и военной тактике. Основным представителем этого жанра был, конечно, Сунь-цзы и его классический труд «Искусство войны» — текст, который глубоко и в сжатой, лаконичной форме рассказывает, каким образом получить самые большие конкурентные преимущества с наименьшим вредом. Этот трактат читается и поныне военными руководителями и лидерами промышленности.

Политическая, военная, интеллектуальная борьба продолжалась во время периода Борющихся царств, в сложном взаимодействии до тех пор, пока легизм в варианте «Хань Фэй-цзы» не победил в царстве Цинь. Но победа была кратковременная, и в конечном счете конфуцианство поднялось на вершину философии, которая предпочиталась политическими элитами. Но даосизм — а позднее буддизм, — имели свои собственные периоды преобладания и большого влияния на многие аспекты китайской культуры в течение столетий.

ВТОРОЕ. КОНФУЦИЙ И ЕГО ИДЕИ

По мере того как менялось общество в период Весен и Осеней, правители обращались к талантливым личностям, не являвшимся частью дворянства. Возникла нужда в учителях, чтобы обучать амбициозных лидеров. Конфуций был и сам по себе амбициозным лидером, но оставил свой след как философ и педагог. Цай Чжичжун начинает свою книгу с истории о жизни Конфуция, где мы в основном видим его в общении со своими учениками.

Существуют две фундаментальные идеи Конфуция, которые являются предпосылками для понимания и создания контекста для всех остальных идей этой книги. Одна — это знакомая гражданам современного либерального демократического государства, и вторая — совершенно противоположная. Это идеи культуры и иерархии.

Начнем с культуры. В общих словах культура — это то, что передается следующим поколениям. Мы часто сужаем значение до высокого искусства (или кажущегося нам таковым) или, наоборот, до туристических карикатур, связанных с этническими меньшинствами, например, до исполнения танца хула или барабанных выступлений коренных жителей Америки. Обе эти концепции культуры далеко стоят от повседневной жизни. Для Конфуция культура — это набор обычаев и традиций, которые обогащают обыденную жизнь, порождают стабильность и гармонию в обществе.

Создает ли культура на самом деле стабильность и гармонию? Подумайте об общих праздниках, о семейных обедах, днях рождения, свадьбах, похоронах и нормах поведения. Что в большей степени в нашем обществе дает стабильность и порождает гармонию, чем образцы общей активности, которые структурируют нашу жизнь? У Конфуция есть определение для этого аспекта культуры — *ли*, что переводится по-разному: как церемонии, приличия, ритуал, должное поведение или жертва, в зависимости от контекста. Оно также включает в себя элементарный этикет, такой как поклоны, движение головы, необходимость говорить «спасибо», «пожалуйста» и так далее. *Ли* обогащает нашу жизнь, передавая значение и другие аспекты культуры (в которых оно воплощено), создавая тонкости восприятия текущих событий и нашего места в мире. Обычаи, а также формы искусства и развлечений являются дорогами эмоциональной вовлеченности в наш мир, без которых мы потерялись бы и в понимании мира, и в выражении себя в нем. Наши устойчивые формы этикета также для этого. Представьте себе, если бы вы пошли на собеседование, устраиваясь на работу в зарубежной стране, и не знали бы, как выразить свои добрые намерения, которые выражаются в нашем обществе через обычное рукопожатие? Это было бы неуклюже, а попытки догадаться о том,

что нужно делать, заставили бы вас потратить энергию и отвлекли бы от более важных вещей. Понятие *ли* дает нам эти формы выражения и понимания.

Подобно тому как мы требуем от наших детей читать романы и поэзию, чтобы расширять свои представления и воспитывать моральную чувствительность, так и Конфуций думал, что главная цель образования — воспитание нравственной личности. Вы можете увидеть, какое большое значение он придает понятиям *ли*, культуры и образования, по количеству упоминаний этих слов в книге. В изречении 7:5 у Конфуция можно заметить ностальгию по Чжоу-гуну, которого он почитал основоположником многих культурных реформ. В изречении 5:15 дается определение воспитанности, которая основывается на любви к учению. В изречении 20:6 Конфуций показывает необходимость эмоционального отношения к обучению, и простого интереса здесь недостаточно, лучший способ обучения — это радостный процесс. И образованные люди могут создавать великие вещи (14:35), такие как нравственное общество. В современном обществе мы обращаемся к законам как к гарантиям порядка в обществе. Но Конфуций избегал внешнего воздействия и предпочитал, чтобы каждый из нас делал правильные вещи, потому что мы хотим их делать, а не потому, что мы должны их делать. Его предпочтение в отношении понятия *ли* над законом ясно показано в изречении 2:3. *Ли* ограничивает то, что мы хотим делать (6:27 и 12:1), но также дает нам возможности и пути для правильного и надлежащего поведения (3:15 и 12:5). И более чем что-либо еще *ли* порождает тот тип скромного и уважительного поведения, который поддерживает иерархическое общество, чтобы оно мягко и без напряжения функционировало.

В современном обществе мы предпочитаем равенство, и поэтому мы могли бы ожидать, что философия, которая предпочитает иерархию, будет использоваться для того, чтобы захватывать власть и сохранять ее. Но для Конфуция самопринижение и уважение к другим являются главными вне зависимости от того, где находится человек в иерархии (13:1 и 13:19). Конфуций рассматривает иерархию как динамику, а не как статику. Как младшая дочь двигается по своему пути через

иерархию семьи от зависимого ребенка к жене, матери и в конечном счете к главе рода, матриарху, так же и любой простой человек может пройти свой путь через иерархию общества и стать чиновником в правительстве, который надзирает над другими. Мы в настоящее время говорим об этом как о социальной мобильности.

Социальная мобильность зависит от более фундаментальной политической идеи — меритократии, или управления способных. Идея эта простая: лучшая кандидатура для работы — это человек, наиболее способный делать лучше всех эту работу. Хотя эта идея и знакома нам сегодня, потребовалось устрашающе долгое время для того, чтобы она укоренилась в нашем обществе. На самом деле это произошло только после движения за гражданские права в 1960-х годах, когда мы прекратили отвергать людей, основываясь на их внешних данных, не связанных с их способностями.

Греки предпочитали благосостояние в качестве критерия инклюзивности. Более поздние европейцы предпочитали линию по крови, преемственность. Другими эксклюзивными критериями были раса, религия и пол. И хотя китайцы долгое время исключали один пол целиком из политической жизни, начав это задолго до эпохи Конфуция, они запустили процесс, превознося и восхваляя личные способности человека над хорошей родословной.

Конфуций был поглощен своей идеей меритократии среди людей. Он продвигал ее через обучение всех, кто приходил к нему, давая им возможность улучшить себя для того, чтобы взять на себя важную роль, большую ответственность в обществе — такую, которая была бы недоступна им в других древних культурах по всему свету, включая ранние демократии Греции и Рима. Позднее идея образования следующего поколения лидеров была институционализирована в Китае, и после контакта с европейцами она стала еще и частью нашей системы поступления на государственную службу через процесс институционализации образования и введения общих экзаменов.

Поэтому нам не нужно отворачиваться от выделения Конфуцием важности иерархии. Иерархия всегда вокруг нас, хотим мы этого или нет. В том смысле, что вы

можете быть лучшим пианистом, чем я, и знать больше о политике и науке, вы можете быть более способным, чем я, и таким образом находитесь в положении, когда вы можете обучать меня, а я нахожусь в положении, чтобы учиться у вас. Это иерархические отношения в глазах Конфуция и каждого из нас. Если мы желаем использовать то, что различает нас, то мы должны вести себя определенным образом. Вы должны относиться ко мне с заботой учителя и щедро руководить мною. Я должен относиться к вам с уважением и скромностью, самоуничижением, чтобы усердно учиться у вас. Когда эти роли выполняются, совершаются великие шаги. В изречении 6:30 Конфуций говорит, что «добрый человек хочет устойчивости через устойчивость других и достижений через достижения других». Учителя — это наставники. С другой стороны, ученики не должны расслабляться и лениться. В изречении 7:8 Конфуций говорит: «Если ученик не испытывает трудностей в учебе, я не смогу его просветить. Если ученик не чувствует разочарования в своих знаниях, я не смогу объяснить ему. Если я указываю на один угол, а он не может указать на три остальных, я не буду повторять ему».

В соответствии с Конфуцием главная добродетель, ведущая направляющая в поведении учителя и лидера, — это *жэнь*, что переводится как «доброжелательность», «доброта», «человечность». Первый шаг на пути человечности — это развитие самого себя (12:1, 12:17, 15:10). Есть много отрывков в этой книге, где Конфуций ссылается на термин *цзюньцзы*. *Цзюньцзы* (здесь переводится как «благородный человек») полностью развил свой характер и добродетель, так что он может вести себя и действовать в качестве образца и руководителя для других: благородный человек поддерживает доброту в людях (12:16). Благородный человек в понимании Конфуция — это такая личность, на которую стоит равняться, брать за пример, которая развила и воспитала в себе искреннюю заботу о других и склонна совершать добро. Подумайте о ком-то в вашей собственной жизни, кто, хотя бы через доброе, терпеливое руководство вместе с устойчивой целостностью, имел сильное позитивное влияние на вашу жизнь. Это может быть тренер, учитель, дедушка и бабушка или начальник на работе. Это то, что Конфуций обозначает понятием *цзюньцзы*. В

изречении 6:30 человеческий руководитель — это тот, кто распространяет доброту на людей. А в изречении 18:1 он заходит настолько далеко с тем, чтобы пожертвовать собой, чтобы высказать правду властям.

До того как ты доберешься до такого высокого морального и социального статуса, придется начать с самого низа иерархии и научиться добродетелям. Идеал поведения внизу описывается понятием *сяо*, которое переводится как «сыновья добродетель» или «забота о старшем поколении». Эти идеалы закладываются в доме, и это наиболее естественная иерархия в глазах Конфуция, иерархия, которая в своей идеальной форме должна действовать как модель для остального общества. В доме дитя проявляет почтение, *сяо*, к родителям, повинуюсь им и обращаясь к ним с уважением, заботой, когда они молодые, и заботясь о них через уважение и благодарность, когда они стареют (2:7 и 14:19). Обучаясь *сяо* дома, научаешься служить другим, чем естественно делишься с другими, когда поднимаешься по ступеням социальной лестницы. Выстраивая свой путь по этой лестнице, необходимо сконцентрироваться на том, чтобы быть *чжун* — верным, преданным (3:19).

В нашем обществе всегда будет соблазн действовать безнравственно и предпочитать собственные краткосрочные интересы тому, чтобы действовать более масштабно ради правильных целей. В китайском языке делать правильные вещи — это термин *и*. Мы видим, что идея ясно выражена в изречениях 4:16, 9:1 и 14:12. Конфуций также напоминает нам, что правильные действия, которые часто приходится совершать, зависят от обстоятельств и невозможно все предусмотреть, в соответствии с неизменными принципами (4:10). Не существует конечного арбитра в конфуцианской системе, нет святого Петра, который ждет у Жемчужных врат, нет никакого бога, который предложит конечное суждение, нет никакой святой книги заповедей, чтобы сказать нам, что правильно и что неправильно. И именно поэтому самовоспитание является настолько важным для Конфуция, именно поэтому размышления и обучение должны идти рука об руку (1:4, 2:15, 19:6).

Философия Конфуция часто рассматривается как философия этики и политики. Она, конечно, является

такой — Конфуций предпочитает определенный специфический набор добродетелей и государство, которое основано на структуре семьи. Но его философия также является философией образования. Конфуций защищает способ создания компетентных, интеллигентных, сострадательных, нравственных лидеров — такой тип людей, который внушает доверие и заставляет других естественным образом притягиваться к ним. В изречении 2:1 он говорит: «Если ты управляешь с помощью силы духа, то люди будут счастливы следовать за тобой... Это подобно Полярной звезде, которая остается неподвижной на своем месте, тогда как другие звезды вращаются вокруг нее». В настоящее время в Китае Конфуций все еще известен как Первый Учитель, и его поминают в Национальный день Учителя, праздник, который уходит в прошлое более чем на две тысячи лет.

В «Изречениях» почти каждый эпизод имеет некоторую связь с образованием, культурой, управлением или способами взаимодействия с другими, что по Конфуцию является различными частями того самого подхода, каким образом развивать гармоничное общество, в котором неизбежные различия действуют на пользу и во благо всех. Это такой тип мудрости, который мы все должны использовать в большей степени.

ТРЕТЬЕ. ХУДОЖНИК И ЕГО РАБОТА

Когда я был ребенком и ежедневные газеты еще пользовались популярностью, я любил читать комические отрывки и политические комиксы. Они могли быть умными, развлекательными и дающими прозрение одновременно. Когда я столкнулся с иллюстрированной Цай Чжичжуном версией китайской классики, я узнал ту же самую блестящую комбинацию ума и мудрости и влюбился в эти книги. Было бы большим упущением, если бы я закончил это введение, не рассказав про самого Цай Чжичжуна, чья собственная история настолько же поразительна, насколько поразительно все, что он описывает в своих книгах.

По его словам, он знал уже в возрасте пяти лет, что будет рисовать, для того чтобы зарабатывать на жизнь, а в возрасте пятнадцати лет его отец разрешил ему бросить

школу и переехать из их маленького городка в столицу Тайваня Тайбэй, где издатели комиксов приняли его после того, как получили подписанный манускрипт, еще не зная, насколько автор молод. Там Цай Чжичжун разработал собственных юмористических персонажей комиксов, параллельно оттачивая свой опыт и умение и участь у других иллюстраторов. В течение трех лет обязательной военной службы он посвятил все свободное время изучению истории, искусства и графического дизайна. Когда он закончил военную службу, он попробовал устроиться в главные кино- и телекомпании, где победил всех других претендентов, имеющих формальное образование. Там он имел удачу познакомиться с диснеевскими мультфильмами, благодаря которым многому научился в анимации. Вскоре он делал собственные короткометражные мультфильмы, после чего решил открыть свою анимационную студию и через два года получил премию, эквивалентную на Тайване «Оскару».

В поисках новых вызовов он начал серию комик-стрипов (лент из 2–4 кадров), которая быстро разрослась до пяти разных серий в журналах и газетах по всей Юго-Восточной Азии. На пике своей популярности как мультипликатора он, решив попробовать снова пойти в новом направлении, проиллюстрировал китайскую классику в формате комиксов. Это был успех, который отправил его на самую верхушку списка бестселлеров. Это то, что вы сейчас держите в своих руках.

Цай Чжичжун говорит, что секрет его успеха — это не амбиции и даже не трудолюбие. Секрет в том, чтобы следовать за своими собственными увлечениями и получать удовольствие. Одним из его увлечений было изучение классических текстов. Помните, что он бросил среднюю школу. По обычным стандартам он должен был бы не понимать язык Древнего Китая. Китайцы в раннее время писали на языке «вэньянь», который для современного китайца аналогичен латыни для современного испанца или итальянца, но постоянное самообразование и фотографическая память дали возможность Цай Чжичжуну изучить китайскую классику на уровне доктора философии. Вся разница между ним и каким-нибудь опытным профессором заключается в том, что он не интересовался утонченными диспутами, спорами и различиями, на которых ученые строят свои карьеры. Он просто хотел понять